16 июня 1983г. №24
Литературная газета

С Маяковским по Союзу

В год 90-летия со дня рождения В. Маяковского «Литературная газета» проводит «разговор-путешествие» (выражение поэта) известных советских писателей по городам, где он бывал, читал стихи, устраивал диспуты.

Путешествие, начатое в Грузии (диалог Евгений Евтушенко — Отар Чиладзе, «ЛГ», № 14), сегодня продолжается.

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Ежегодно с 1924 по 1928 год приезжает В. Маяковский на Украину, выступает в Киеве, Харькове, Одессе, Запорожье, Житомире, Днепропетровске, Виннице. Он посвящает Советской Украине стихотворения «Киев», «Долг Украине», тепло пишет о своих поездках и встречах с читателями украинских городов...

Благотворное влияние В. Маяковского нужно видеть не в том, размещает ли тот или иной поэт строчки своего стихотворения «лесенкой», не в том, насколько изобретательны его рифмы или оригинальны метафоры, а в том, умеет ли поэт, подобно Маяковскому, активно и своевременно служить своим художественным словом делу Коммунистической партии и советского народа... Не механическая учеба, не повторение и копирование, а учеба творческая, направленная на то, чтобы продолжать и развивать традиции Маяковского, — вот что соответствует требованиям сегодняшнего дня и сегодняшнего читателя.

Микола БАЖАН

Из беседы перед поездкой в Киев

ГАМЗАТОВ. Я в Киеве был не один раз. Украина мне близка, и там немало друзей-поэтов — и Дм. Павлычко, который переводил мои сонеты, и В. Коротич, и дружил я с Н. Ушаковым, а в Литинституте когда-то учился вместе с П. Воронько... Но больше всего я дружу с Шевченко и Лесей Украинкой. В только что вышедшей новой книге есть стихи «Говори на пленительной мове»:

...Это ты говоришь
со мной, Леся,
Или музыка слышится
мне?
В языке моем
сабельный лязг
Пронизал почти
каждое слово,
И полна упоительных
ласк
Не твоя ль, златоустая,
мова?
Ты со мною
на ней говори,
Завораживай снова
и снова,
Хоть из каждых пяти —
только три
Понимаю
украинских слова.

(Перевод Я. КОЗЛОВСКОГО)

ДОЛМАТОВСКИЙ. С Украиной меня связывает очень многое. В довоенные времена я был участником шевченковского пленума правления СП СССР, и путешествие в те дни по республике навсегда сдружило меня с М. Бажаном, С. Голованивским, Л. Первомайским, А. Малышко, другими украинскими писателями. А в годы войны я находился на Юго-Западном фронте. В 1941-м мне пришлось в сложных обстоятельствах переправляться через Днепр, тогда же, в 41-м, написана песня «Ой, Днепро, Днепро»...

Сегодня в «разговоре-путешествии» участвуют: Расул ГАМЗАТОВ, Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ, Иван ДРАЧ, Борис ОЛЕЙНИК

«...ИЛИ В СЕРДЦЕ БЫЛО В МОЕМ»

Олейник. «Стояло... вавилоненье столпотворенское», — писал Маяковский о своих первых выступлениях в Киеве. Все его доклады, лекции, чтение стихов проходили, по воспоминаниям современников и отзывам газет, в переполненных залах, вызывая бурный восторг аудитории: «5000 человек на протяжении трех часов очень внимательно слушали Маяковского и отвечали аплодисментами на его крылатую фразу». Вот еще один газетный отзыв: «Все места заняты, в проходах стоят. За проходами стоят, всю эстраду обсели... На эстраде поэт Маяковский. — Издание моей поэмы «Хорошо!», — говорит Маяковский, — как будто приноровлено к нашему десятилетию. Но я совсем не желаю, чтобы она украшала собой только это десятилетие. Она нужна будет и будет иметь значение и через 20, и через 40 лет. Да, я так думаю. Я в этом уверен...» И он не ошибся.

Драч. Но это мы теперь, спустя десятилетия, говорим с уверенностью — не ошибся, а тогда, в его время, выражалась уверенность иного толка: «...его заверения о полном сродстве с современностью — неосновательны... значение Маяковского в нашей поэзии—отрицательное: по его стихам можно узнать, как не следует писать стихи. Бедный идеями, обладающий суженным кругозором, ипохондричный, неврастенический, слабый мастер — он вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него». Это из книжки Г. Шенгели, изданной Всероссийским союзом поэтов в 1927 году — за три года до смерти Маяковского. Вот в какой, мягко сказать, непростой ситуации он находился, вот в каких условиях ему приходилось работать, доказывая то, что, казалось бы, не требует доказательств.

Долматовский. Кажется, я остался одним из немногих поэтов, кто встречался с Маяковским, слушал его (увлекшись им, я старался не пропускать ни одного его вечера в Москве) и однажды даже читал ему свои опусы.

Это случилось в доме Мейерхольда. Прослушав три моих сочинения, Маяковский явно рассердился: «Почему пишете о том, что вам абсолютно неизвестно и совершенно чуждо? Где стихи о партах и пионерском галстуке? Ведь вы новые люди, таких еще на земле не было! А что пишете? Сумерки дворянства!» Туманные строки были в духе акмеистов и символистов, я сочинял «под них». Еще один гость дома — Пастернак попытался меня защищать: «Володя, но он еще совсем мальчик!» Маяковский возразил, он был непреклонен: «Если он мальчик, давайте побеседуем о трехколесных велосипедах, а если уж он взялся писать стихи, то пусть отвечает за каждое слово». Эта принципиальная убежденность, бескомпромиссность не только запомнились, но и сыграли весьма существенную роль в определении моих взглядов на литературную работу.

Я считаю, что сейчас самое время говорить о тенденции Маяковского, о том главном, что он сделал для поэзии. Прежде всего — служение таланта своему времени, слияние личного и общественного: «Это было с бойцами, или страной, или в сердце было в моем». Талант не существует отдельно, как самоценность, он очень определенно привязан к своей функции, куда, на что он употреблен. Причем — что интересно — всегда находились противники общественной функции поэзии, апологеты «маленького человека» — такая тихая, интимная сторона его существования. Как будто больших, могучих, синхронных с эпохой взлетов человеческой души не бывает, а есть только сосредоточенность на личном. Я не противопоставляю общественную жизнь и внутренний мир. Я только хочу сказать: главное, чтобы личность была сориентирована на общество, я очень высоко ставлю общественную жилку.

Драч. Маяковский открыл собой в поэзии новый тип художника, который в противовес чистоплюям и ханжам не брезговал заниматься всем, что было вызвано потребностями дня: и рекламой, пусть даже сосок, и плакатами, и агитками. Это не означает, разумеется, что мы должны бросить все и сочинять рекламы сосок или новинки века — жевательной резинки... Но то, что у нас отсутствует в такой мере причастность ко всему, какая была у Маяковского, — это мы должны с болью признать, такого общественного темперамента у нас нет. Из своих 20-х годов Маяковский бросает вызов и нам, и молодым. Очень важно возбуждать у молодых общественный темперамент, бойцовский характер, чтобы каждый чувствовал: он живой, реагирующий нерв, лицо, ответственное за все в мире.

Гамзатов. Не знаю, собирал ли Маяковский на своих выступлениях столько людей, сколько приходит сейчас на поэтические вечера, — огромные залы, стадионы не пустуют, когда выступают поэты, в том числе молодые. Но количество слушателей — не мерило поэзии. Овладеть техникой поэтического письма дано, наверное, каждому, но не у каждого становится поэзией рассказ «о времени и о себе». Маяковский заявлял: «Пусть ропщут поэты, слюною плеща, губою презрение вызмеив. Я, душу не снизив, кричу о вещах, обязательных при социализме». Он дал название «Лучший стих» стихотворению о газетном факте — «Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай!». По произведениям Маяковского можно восстановить, без учебников истории, многие события революционных лет. У Маяковского был не просто факт, не только сообщение, не «последние известия», а яркое и эмоциональное обобщение, стихи. Даже переселение рабочего на новую квартиру становилось у него поэзией. Сейчас в нашей поэзии замечаю уход от факта, выводы без доводов, часто философствование на пустом месте или холодная, стальная конструкция. Поэт не конструктор, даже не инженер человеческих душ. Поэт — певец. Вы скажете: сейчас не столько сердце по сердцу скучает, сколько мысль по мысли скучает. Но одной мысли для поэзии тоже мало, она должна играть, звучать, быть оформлена красками и музыкой, образами, законченной формой — тогда все в цель попадет.

Олейник. Огромное сердце поэта мгновенно отзывалось — огромной радостью на «шаги саженьи», огромным негодованием на то, что мешало «размаху шагов»: Нашему времени нужен поэт с такой великолепной, мгновенной реакцией.

Почти 50 лет назад он напечатал в «Литературной газете» небольшую статью «С неба на землю», а когда сегодня ее читаешь, впечатление такое, будто она написана только что. Вот послушайте: «...поэты и писатели... забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащишь. Открываешь какой-нибудь журнал — сплошь испещрен стихами: тут и «жемчужные зубки», и «хитоны», и «Парфенон», и «грезы», и чорт его знает, чего тут только нет. Надо бы попросить... поэтов слезть с неба на землю. Ты хвастаешься, что ты хорошо владеешь словом, — будь добр, напиши образцовое «Постановление месткома об уборке мусора со двора». Не хочешь? Ты говоришь, что у тебя более возвышенный стиль? Тогда напиши образцовую передовицу, обращенную к народам мира, — разве может быть более возвышенная задача? Только тогда мы поверим, что твои упражнения в области поэзии имеют действительный смысл, что твоя возвышенная работа может быть использована для улучшения жизни людей».

Во время «своей разъездной чтецкой работы», встречаясь «лицом к лицу с потребителем» (его выражение), Маяковский вел бой за новую жизнь и новую литературу. В основе своей лирик, очень нежный, беззащитно нежный поэт, он, отстаивая гражданскую позицию, становился беспощадным. Выступая в Киеве с докладом «Долой искусство, да здравствует жизнь!», в полемической горячности, громя Надсона, он мог крикнуть публике: «Пусть молодежь лучше в карты играет, чем читать этаких поэтов!».

Гамзатов. Маяковский воевал во весь голос за новую поэзию, за новое слово, но с такой же беспощадностью он воевал с халтурой, со словом-сырцом. «С молотка литература пущена. Где вы, сеятели правды или звезд сиятели? Лишь в четыре этажа халтурщина: Гиза, критика, читаки и писателя». Маяковский обрушивал свой гнев и на начинающих поэтов...

Олейник. У нас в Киеве, выступая перед рабкорами, он громил стихи рабкоровских авторов из сборника «Лепестки»: «Я — пролетарская пушка, стреляю туда и сюда»...

Гамзатов. Обрушивал свой гнев и на известных, когда видел в их производстве явный брак. Он критиковал, например, Жарова за такие строчки, как «От горящей домны революции отошел великий кочегар», объясняя аудитории: «А на самом деле какие кочегары при домнах бывают? Не бывает их. И если отошел кочегар от домны, то нечего ему там вообще было делать. То, что поэт хотел сделать настоящим революционным образом, по существу стало ничего не значащей, пустой фразой».

Долматовский. Попадало от Маяковского, как известно, и Сельвинскому, и Уткину, и Безыменскому... Но его полемический азарт, категоричность оценок, резкость суждений никогда не были спором ради спора, мелким ехидством по поводу чьей-то неудачи или подзадориванием, подыгрыванием для удовлетворения публики — они всегда были вызваны серьезностью темы, постановкой проблемы, необходимостью объясниться, высказаться по существу.

Гамзатов. А разве сегодня по нашим газетам и журналам не кочуют подобные стихи — с надуманными образами, ложным пафосом, звонкой декларативностью? В своей книге «Мой Дагестан» я приводил опус о чабане одного нашего сочинителя: «Рассеялся в горах туман, путь ясен впереди. Своих баранов, о чабан, ты в коммунизм веди». Мы должны быть непримиримы к безобразиям халтуры. Наше благодушие приводит к тому, что к высоким темам присасываются и буквально паразитируют на них мелкие ремесленники, они обескровливают, обесценивают стих, замусоливают слово. Особенно пагубно это для песен, которые повсюду звучат — по радио, по телевизору, их слушают и мал, и стар. Мне не нравится термин поэт-песенник. Не потому, что я песни не люблю — какой горец не любит песню?! Но что такое песенник? Текстовик; автор текста? Не было ни одного песенника — большого поэта. А когда хорошее стихотворение становится песней — это прекрасно. В иных песнях-текстах много шума, грохота — души мало. Однако критиковать, делать замечания стало трудно: обижаются, тут же устремляются в «инстанции», пишут жалобы. Маяковский и тут дает нам замечательный урок — урок бесстрашия полемиста.

Долматовский. Почему Маяковский раздражал? Потому что это было новое, небывалое, неслыханное, а все непривычное обычно принимается не сразу и не легко. Новое должно входить трудно. Боюсь, что мы молодых уж очень заласкали, заопекали, им не хватает мускулатуры, дерзостных замахов, напористости — напористости на бумаге, напористости стиха, а не в пробивании своих сочинений. Молодому поэту должно быть трудно, он должен что-то преодолевать, отстаивать свои принципы, рисковать. Вот этого я не вижу, не ощущаю. Совещаний, семинаров, опеки много, а новых заметных, ярко входящих имен мало. Где они, «красивые, двадцатидвухлетние»?

Олейник. На Украине есть интересные молодые. Надеюсь, что их поэзия будет иметь всесоюзный резонанс. Дмитро Иванов из Чернигова, Михайло Шевченко, полтавчанин, сейчас живет в Киеве, Владимир Затуливитер, Ирина Жиленко, Светлана Йовенко, Людмила Скирда, Юрий Буряк — тоже из Киева. Но им, конечно, уже не двадцать два.

Гамзатов. Продолжателей мало — подражателей много. Горец, приходящий в аул на свадьбу, спрашивает: «Вас хватает самих или можно войти еще и мне?» Ему отвечают горцы: «Входи, если ты на самом деле есть ты». Молодые должны нести миру себя, свой стиль, быть самими собой.

Драч. Мне тоже иногда кажется, что уж слишком много старшее и среднее поколение занимается пестованием молодых. Смотришь, написал человек 20—30 стихов и уже требует к себе внимания, требует, чтобы это было не только напечатано, но уже стремится какую-то мзду получить — иметь имя в писательской среде. И еще мне кажется, что не хватает нашей молодой поэзии формального поиска. Вспомним, как интенсивно, разнообразно, интересно занимались исканиями в младые лета, в ранний период своего творчества Маяковский, или Неруда, или Элюар — беру разных поэтов. Не надо ругать молодых, когда они экспериментируют. Каждый должен пройти эту науку. Яркое, яростное вхождение в действительность — прежде всего, но и безустанный поиск формальных решений, образных систем, структур. Если этого нет, не будет в молодости, когда же будет вообще? Я хотел бы назвать Василя Герасимюка, ему 27. Это интересный, ищущий автор. Или Иван Малкович — студент университета со скрипкой в руках. Скрипка, думаю, приведет его в большой, серьезный оркестр, а потом он, как каждый настоящий поэт, сам станет оркестром. Я за разветвленность интересов, но за такую разность, разносторонность, которая способствует главному — призванию поэта. У поэта Б. Мозолевского вышла книга «Скифская степь», не знаю, написал бы он ее, не будучи историком, археологом... Что такое современная поэзия — огромный, всеохватный мир или келья, одиночество? Думаю, что и тот, кто сидел в старые времена в кельях и писал в одиночестве для нас летописи, сначала был дружинником, воевал или занимался каким-то другим делом, познал мир, а потом уже уединился. Но художник должен уметь и от многого отказаться, уйти на какое-то время из этого мира, чтобы что-то настоящее для этого мира сделать.

Гамзатов. Каждый поэт — самостоятельная единица. Индивидуальность нужна, личное клеймо, поэзия — частное производство, но только пока стихи делаются. А если то, что поэт создал, другие не подхватят, другим не станет принадлежать, оно поэзией не становится. Маяковского подхватили, о нем спорят, и в этом споре победителем идет нежный и мужественный человек, необходимый нам, оказавший огромное влияние на мировую литературу. Не умаляю значения других, но Маяковского я ставлю очень высоко.

Меня возмущает, когда участники разных дискуссий — авторы слабых стиховоднодневок клянутся в своей любви к Маяковскому и смотрят на свое творчество как на близкое его традициям: большой поэт опошляется, снижается его масштабность. У нас в горах рассказывают, что однажды мюриды расхвастались друг перед другом своими саблями, из какой превосходной стали они сделаны и какие дивные строки из корана нанесены на них. Был среди мюридов наиб великого Шамиля — Хаджи-Мурат, он обратился к спорщикам: «О чем вы шумите? Завтра на рассвете ваши сабли в битве сами решат, какая из них лучше». Так и участники шумных дискуссий: поэтической строкой, а не словопрениями должны доказывать свою силу, силу своего стиха.

Долматовский. Маяковский неповторим. А ведь были попытки впрямую продолжить его. Известен случай с Кирсановым, который взялся за поэму «Пятилетка»: «...поэму выстрою твою, как начал строить ты, товарищ Маяковский», — и ничего не получилось. Формальное продолжение Маяковского обречено на провал. А вот его позиция, опыт и традиции, оставленные в наследство нам и новым поколениям, — не воспользоваться этим было бы более чем неразумно.

И у Маяковского случались однодневки, но именно случались, и к тому же это были стружки от металла, а не от трухлявого дерева.

О поэте и поэзии судят по вершинам, по достижениям. Пафосная поэзия в лучших образцах всегда глубинна. История литературы насыщена примерами, когда стихотворение на злобу дня живет столетия, десятилетия, а строки, заранее предназначенные для истории, так сказать, «на века», забываются через короткий срок.

Олейник. Вечные темы, творчество в расчете на «всегда», удаление на почтительное расстояние от «будничной толчеи», воспарение над хлопотами дня во имя абстрактного грядущего и не менее абстрактного общечеловеческого — как ненавидел Маяковский эти все и прочие аксессуары кабинетной пиитики! Да, Маяковский писал на злобу дня в самом прямом понимании этого слова. А разве наши классики — Пушкин, Некрасов, Шевченко, чьи произведения неподвластны времени, — разве они не писали на злобу дня, разве они стояли над баррикадами?

Гамзатов. Пушкин немыслим без декабристов. Страстное обличение самодержавного злодеяния, виновников смерти поэта явило миру Лермонтова.

Долматовский. Печально, что к важным, серьезным темам прилаживаются бездарные авторы. Маяковский говорил о своей поэме «Владимир Ильич Ленин», что очень боялся ее, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Посредственности, бездари, эпигоны не боятся, не стыдятся своих творений. Наоборот, очень активно их продвигают. Дискредитация этим потоком серости злободневного боевого стиха, существовавшего в традициях поэзии XIX века, во многом отбила охоту у молодых, повернула их к так называемой тихой поэзии. Я думаю, это одна из причин, почему в русской поэзии в последние годы не появилось таких имен, какие зазвучали в шестидесятые, когда молодые заявляли о себе как выразители общественной атмосферы, входили в литературу со стихами определенного гражданского звучания и направления. Во многом тут я виню критику — слишком тихо, невнятно поддерживает она обращение к общественной проблематике.

Драч. Из моих книг, которые выходили в последнее время, наименьшее удовольствие критики вызвала «Американская тетрадь», написанная на острую современную тему. И это, мне кажется, показательно и подтверждает мнение Долматовского, что критики наши охотнее поддерживали и поддерживают «вечные темы», «вечные проблемы». Эта ориентировка «на вечность» и поддержка подобных мотивов у поэтов, которые не умеют или не желают быть современными, поразительны. Я думаю, такое отношение порождает и определенную ситуацию в молодой поэзии. Молодые не очень-то стремятся заниматься острыми темами. Это, естественно, трудно — легче идти от искусства, от литературы, от книжности, от того, что уже сделано другими, и предлагать свои вариации на известную тему. Одно дело—еще раз написать культурологические стихи о Сапфо или итальянские стихи по следам Блока или Бажана. И другое дело — писать о том, что происходит, что бурлит в жизни, на твоей улице, на стройке. Разговор о Маяковском и его традициях, наверное, подхлестнут не только его юбилеем, но и тем, что общество наше нуждается, чтобы поэзия более четко выполняла свои прямые функции, то есть функции вторжения писателя в непосредственную жизнь. Выискать проблемы, поставить их перед читателем в таком виде, чтобы он смог соприкоснуться со всей сложностью жизненных ситуаций...

Олейник. Конечно же, поэзия всегда была и остается социально ангажированной. Нельзя толкать лирика с его структурой мышления, с его характером на плакатный вариант, но даже у сугубо лирического поэта в стихах обязательны цвет времени, приметы времени. Каждый поэт имеет свою интонацию, свой тембр, регистр — от полушепота до мощного баса. Но поэзия не должна быть тихой. Эта истина ныне, когда проблемы войны и мира, а следовательно, жизни и смерти касаются всех, как никогда, своевременна и современна. Ибо если и раньше тихая поэзия не выдерживала испытания временем, то сейчас она просто не выдержит вибрации дня.

Долматовский. К международным событиям советские люди проявляют интерес не меньший, чем к жизни своей страны. Тем более сейчас, когда обстановка в мире столь напряженная, столь угрожающая существованию всего человеческого рода. Недавно в «Литгазете» было напечатано публицистическое стихотворение вернувшегося из Франции А. Жигулина. Стоило ему, которого критики не раз называли представителем «тихой лирики», стать свидетелем антисоветского выпада, услышать выстрелы, как его стих перестал быть тихим. К сожалению, мы недостаточно развиваем тут замечательный опыт Маяковского и даже теряем его завоевания. Часто ли, например, вместе с рассказом комментатора звучит в телепрограмме «Время», которую смотрят миллионы, публицистическое слово поэта? Зарубежная тематика, взгляд человека одного мира на мир другой — сейчас такие стихи особенно важны.

Олейник. И не только стихи. У нас есть замечательные публицисты, пишущие о селе, но в международной проблематике их, на мой взгляд, маловато. А ведь, скажем, практика, опыт украинского поэта В. Коротича по этой части свидетельствует, что и у нас есть много неиспользованных резервов. Все мы с интересом и вниманием слушаем рассказы телекомментаторов, тоже литераторов, но все же не художников, а нужны мастера, умеющие не только сообщать, но и эмоционально воздействовать. Переворот в Чили вызвал в свое время целую антологию антипиночетовских стихов. Сегодня не видно подобных, нет такого накала. Среди публикаций последнего времени интерес вызвала поэма Е Евтушенко «Мама и нейтронная бомба». Надо отдать поэту должное, он очень своевременно написал ее: война в эпоху НТР, в эпоху нейтронной бомбы может стать последней. Не случайно, видимо, поэты обращаются к образу матери. И Е. Евтушенко, и Г. Виеру, и К. Кулиев, и Р. Гамзатов, призывающий своей поэмой — «Берегите матерей!»

Гамзатов. «Берегите матерей!» и «Остров женщин» — это все о мире, о главном, что не может не волновать больше всего. Я писал в поэме «Берегите матерей!» о простой женщине-горянке. Есть закон поэзии — она должна быть на стороне слабых. На эту поэму отозвалось много читателей, были письма печальные — оказалось, на свете не так уж мало обиженных, несчастных матерей. Сыновья их бегут без оглядки по дороге жизни, забывая ту, которая дала им эту жизнь, выносила, выходила, вырастила. Литература, мы говорим, — человековедение, но главное, чтоб она была — человеколюбие. У Вознесенского есть точная формула в стихах: «Все прогрессы — реакционны, если рушится человек. Не купить нас холодной игрушкой, механическим соловейчиком! В жизни главное человечность — хорошо ль вам? красиво ль? грустно?»

Олейник. У некоторых власть имущих по части ЭВМ создается впечатление, что в принципе можно моделировать все: выбрать оптимальный вариант для встречи двух людей, чтобы они были совместимы, и даже оптимальную тему для разговора между этими двумя.

Роль настоящей поэзии и в том, чтобы в век стальных конструкций, в век роботов и всевозможных заменителей уберечь в человеке человека, не дать все заменить пластмассой. И здесь ничто — ни театр, ни кино, ни даже самая лучшая проза—не заменит поэзию. В век предельного уплотнения, сжатия времени, когда мы сетуем, что не можем оглянуться окрест и на себя самих, когда все бежим, не в силах остановиться, великая служба поэзии — кричать человеку: остановись, не теряй человеческое, не превращайся в механизм, в ЭВМ, в робота! Мы, видимо, все-таки еще не совсем готовы психологически и морально-этически воспринимать достижения НТР, не умеем пока что ими разумно распорядиться, и происходит разрыв между предметным и духовным.

Драч. У того же Вознесенского об этом хорошо говорится: «Скажу, вырываясь из тисков стишка, тем горлом, которым дышу и пою: «Да здравствует Научно-техническая, перерастающая в Духовную!». Конечно, во многом стандартизация, унификация — продукт эпохи НТР, а разве в другие эпохи не воевали против механического существования человека — во времена Гомера или Шекспира? Это уже давняя, бесконечная война. Беспрерывная война за человека в человеке.

Вот мы сидим в комнате, за окнами цветут каштаны, и нам это нравится, но не нравится, что под окнами поток машин, что улица шумит, мешает записывать этот разговор на магнитофонную ленту. Одно проявление НТР мешает другому проявлению НТР. Лет 80 назад шума, верно, такого не было, но и этого записывающего устройства тоже не было. Огонь — благо (спасибо Прометею, что он подарил его человеку), но тот же огонь (и сколько поэтов об этом уже писали!) сжигал Джордано Бруно, а освенцимы, дахау, хатыни — тоже огонь, страшный, смертоносный. Все, что приходит в мир, — и стандартизация, и другие явления НТР, — имеет свои плюсы и свои минусы.

Гамзатов. Технический прогресс многое меняет, на многое влияет, но он не в силах изменить законы Поэзии. Она нам не говорит: век быстрый — торопитесь. Торопливая, бойкая речка, как и говорливый горный ручей, к морю не добежит.

Рвутся лирики в дебри абстракций,
Модный дух НТР уловив.
Только я не пишу диссертаций —
Продолжаю писать о любви.

Олейник. ...Поэзия — часть человеческого естества, о которой он, человек, забывает в прагматике дней. А когда однажды останавливается — жаль, что это часто бывает в конце жизни, — он вдруг вспоминает, что был ребенком с ясным, чистым взглядом на мир, и видит, что не такое уж все серое, что есть очень симпатичные люди вокруг, которые придут не только на его похороны, но и сейчас придут, позови он их... Почему люди так потянулись к фольклору, к народной песне, к народной одежде — вытаскивают из сундуков прабабушкины рукотворные кофты? — подсознательный протест против стереотипа, стандартизации, ибо человек по природе своей индивидуален. Прекрасно наше советское общество, которое воспитало в нас чувство коллективизма, уже вошедшее в наши гены, в наследственность. Но это не значит, что все мы стали и хотим стать на одно лицо. Наоборот, еще больше возрастает интерес к духовному, к личному, к индивидуальному. Убедительно и доказательно говорят об этом, например, самой сутью дел и поступков своих герои произведений О. Гончара, и прежде всего Кирилл Заболотный из романа «Твоя заря».

Долматовский. Мы говорим сегодня много об углублении личности, но это не означает уход в себя, познание только собственных тайн, самосозерцание. В последнее время заметно ощущается, что познание себя, тайн в себе грешит самозамыканием. Одно дело самоуглубление как реакция на стандартизацию эпохи НТР, времени роботов, желание познать глубины духа, меру человеческого в человеке, и другое — копаться в мелочах, в своих аллергических реакциях, которые тоже порождение НТР.

Драч. В одном научно-популярном журнале я прочитал, как астронавт, писатель, ученый, балерина вели разговор о влиянии НТР на нашу жизнь, на современное искусство — все ругали НТР. И только председательствующий академик сказал: а ведь без нее мы даже здесь с разных концов страны не смогли бы собраться, без ее достижений, без ее успехов хотим мы того или не хотим, мы обойтись уже не можем. Точно так же, хотим ли не хотим, но мы не можем обойтись без опыта, без традиций Маяковского. Наше поколение во многом воспитано на Маяковском. Иногда мы протестуем против того, что он навязывает нам мощью своего дарования, своего голоса. Бывают периоды, когда он кажется от тебя далеко, потом снова приближаешься к нему, совершенно уйти от него — невозможно. Нам дорого отношение Маяковского к жизни, его отношение к литературе. Нам дорог подход людей этой могучей поры, этих атлантов, держащих на себе прекрасный мир, куда мы пришли уже как его дети, внуки, правнуки

Этот снимок сделан фоторепортером М. Озерским в феврале 1929 года, когда в Москве находилась делегация писателей Украины. На торжественном вечере в Колонном зале Дома союзов выступал В. Маяковский. «Может быть, Маяковский сказал что-нибудь о себе? Нет. Он говорил о том, как он рад сейчас видеть и приветствовать в Москве литературу украинскую, — вспоминал П. Тычина. — Он говорил о том, что неплохо было бы еще тесней соединиться украинским писателям с писателями русскими...»

В Доме ученых состоялась встреча представителей столичных издательств с литераторами Украины. Во время дружеского разговора и был сделан этот снимок.

Материалы подготовили специальный корреспондент «ЛГ» И. РИШИН,
собственный корреспондент «ЛГ» по Украине К. ГРИГОРЬЕВ